

Миражи Плещеева озера

— И что вам далась эта водокачка, кому она помешала? Обсадим деревьями, лес вырастет, и видно не будет. А вот чтобы в озеро не попадали химикаты, удобрения, за этим прослежу лично...

С изумлением слушаю я первого заместителя председателя Ярославского облисполкома Т. Колпакова. Слово не было ни отчаянных телеграмм Министерства культуры РСФСР с запретом на сооружение в заповедной зоне Переславля-Залесского по неутверждённому проекту водонапорной станции, ни многократных выступлений на эту тему центральных газет, ни протестов общественности.

Против такого неколебимого простодушия трудно возражать, тем более спорить или что-то доказывать, призывая в союзники законодательство об охране памятников истории и культуры. У Тимофея Прокофьевича свой взгляд на вещи. Не всем дано легко признать неправоту — свою или своих предшественников, подписывавших решение о неправомерном отводе земель.

— И всё же, кто персонально разрешил вторжение стройки в охранную зону?

— Решения принимает облисполком — коллективный орган, фамилия подписавшего роли не играет, — голос зампреда, дотоле любезный, заметно суровее. Как легко, оказывается, спрятаться за ширму коллегиальности, когда речь заходит об ответственности!

Признаюсь, с более радужным настроением и надеждами ехал я на этот раз в Ярославль: так много успело произойти за последнее время перемен в судьбе страны, а вместе с ней и в близком моим журналистским заботам деле охраны природы, памятников культуры. Дана наконец достойная отповедь тем, кто замышлял поворот северных рек — они будут течь туда, куда определено им природой. Приняты решения о перепрофилировании целлюлозных комбинатов, отравлявших Байкал и Ладогу.

О Плещеевом озере, точнее о смертельной опасности, нависшей над этой природной жемчужиной Центральной России, «Советская культура» писала за последние три с половиной года шесть раз. Мы рады сообщить читателям, что благодаря письму московского архитектора С. Ораевской XXVII съезду КПСС, в котором она привлекла внимание высшего партийного форума к этим публикациям и поднятой проблеме, и здесь наметился резкий перелом.¹ Порочная практика временщиков, готовых, презирая общественное мнение, жертвовать в угоду ведомственным или иным интересам национальным достоянием, ставить под угрозу гордость и славу нашей истории и культуры, получила резкий отпор. В Центральном Комитете партии поддержаны предложения учёных и общественности, высказанные на страницах газеты: об отказе от зарегулирования Плещеева озера, о необходимости немедленного поиска иных источников водоснабжения Переславля-Залесского и расположенного здесь химкомбината, об ограничении дальнейшего роста предприятия, о создании на берегах озера национального парка, а в городе — крупного центра туризма. Приняты уже соответствующие постановления об отмене пагубного проекта, найдена и вода за пределами водосбора озера.

Поздравлять бы друг друга с успехом, но ликовать вовсе не хочется: до победы ещё далеко. Да и победа ли это, если «преобразователи» природы успели истратить более тринадцати миллионов рублей на то, чтобы вырубить лес на берегу заповедного озера, построить без дренажа, а оттого гибельную для оставшегося леса дамбу, две ненужные теперь плотины

*Миловский, А. Миражи Плещеева озера / А. Миловский // *Советская культура*. — 1987. — 16 июня. — С. 6.

¹Михайлов, Н. Временщики / Н. Михайлов // *Советская Россия*. — 1986. — 24 апреля. — С. 2. — Ред.

и гигантскую водонапорную станцию, прорыв новое, опять-таки ненужное русло вытекающей из озера реки Вёксы, безнадежно изуродовав красивейший исторический пейзаж по обе стороны озера?

Всё началось с того, что в этом маленьком древнем городке, в самом его центре, на берегу Трубежа, тихо и незаметно для окружающих работала, многие годы беспрепятственно отравляя озеро неочищенными стоками, старейшая в стране и когда-то единственная фабрика кинофотоплёнки. Поэтому, когда решался вопрос о выборе места для строительства крупнейшего в отрасли комбината объединения «Союзхимфото», требующего огромного количества чистой воды, руководящий палец указал на карте на Переславль-Залесский.

Буквально всё восставало против нелепого решения: прежде всего природная и историко-культурная уникальность места, отсутствие железной дороги¹ и разведанных запасов воды, острая нехватка энергетических ресурсов, а также рабочих рук в этой далеко не блестящей сельскохозяйственными успехами области Нечерноземья, хроническая нерешаемость собственных коммунальных проблем Переславля-Залесского,² множество других факторов. Ничто не смутило, не остановило Минхимпром.

Были и эксперты, причём весьма квалифицированные. Как вспоминает сейчас доктор экономических наук И. Кричевский, экономическая группа экспертизы Госплана СССР, тщательно изучив тогда проект строительства химкомбината в Переславле-Залесском, однозначно отвергла его как по социальным, так и по чисто экономическим соображениям. Это не помешало, однако, Госплану и Госстрою СССР утвердить проект.

Чем дальше прослеживаешь историю комбината — ныне он именуется объединением «Славич», тем более утверждаешься в мысли, что полная безответственность и экономическая безграмотность сопровождали её на всём протяжении — вначале бездумно построить, вложив без оглядки многие миллионы, затем только недоуменно оглядеться вокруг — воды-то, оказывается, нет! Неудивительно, что пороки проекта стали упрямо вылезать с самого начала.

Каждая подпорка, которая ставилась, когда обнаруживался очередной его изъян, порождала новые, ещё более сложные проблемы. Одной из таких подпорок и стала идея зарегулирования Плещеева озера системой плотин для превращения его в замкнутый производственный водоём с созданием резервного водохранилища на Трубеже для подпитки озера. Завод построен. Теперь ему нужна была вода. А тут под рукой озеро, тот самый голубой овал на карте, в который ткнул когда-то руководящий перст.

Я ещё помню время, когда завода тут никакого не было, и я приезжал сюда отдыхать к друзьям в одну из прибрежных деревень, и ловил с ними с лодки плотву и окуней, и была вода озёрная столь чиста и прозрачна, что сквозь многометровую толщу её мы видели рыбин, и пили эту воду, зачерпнув её ладонью за бортом, потому что на вкус она была родниковой — не даром и питали её родники.

Вот эта вода и была под боком у химиков. Для начала подпрудили вытекающую из озера Вёксу. Результаты не замедлили сказаться: на хрустальной воды речке, никогда не знавшей ряски, случился вдруг замор рыбы... Доктора наук, авторитетнейшие специалисты-лимнологи, узнав о проекте, не сговариваясь, предостерегали с научных кафедр и газетных страниц: сгубите, сгноите озеро.

Какое там! Без должной проработки, без элементарных исследований ложа будущего водохранилища — оно потом оказалось заполненным губительным торфом — кинулись строить. Проектировщики и эксперты — солидные институты «Союзводоканалпроект» и «ВНИИ-ВОДГЕО» в один голос уверяли, что проект зарегулирования озера... улучшит (!) состав его воды.

После очередного выступления нашей газеты, обсудив по поручению Совмина РСФСР проблему водохранилища, Госстрой, Минсельхоз, Минводхоз, Минздрав республики и Ярославский облисполком пришли к единодушному решению о необходимости выторфовки его дна, однако химики и проектировщики с этим не согласились. Вопрос был передан для

¹ 8 января 1956 года была открыта железнодорожная ветка Переславль—Берендеево. — *Ред.*

² Для строительства комбината «Славич» был создан трест «Переславльстрой», который затем создал и новые жилые районы. — *Ред.*

окончательного решения в Главгосэкспертизу Госстроя СССР, откуда благополучно перекочевал для проведения расчётов — куда бы вы думали? — в тот же «Союзводоканалпроект», где, понятно, нашлась тысяча доводов против выторфовки. А уже в апреле нынешнего года на волне новых настроений Институт биологии внутренних вод Академии наук СССР, проводивший до этого многолетние исследования озера, повторно рассмотрев заключение экспертов из «ВНИИВОДГЕО», засвидетельствовал полную профнепригодность и недобросовестность его авторов.

Вот так делает свои дела в Переславле-Залесском Министерство химической промышленности. Может быть, это просто стечение роковых обстоятельств, так сказать, нетипичный случай? Увы, сегодня, когда постепенно снимается покров с ведомственных тайн, мы знаем, что это не так. Те же люди в министерстве выбирали место и для Щёкинского химкомбината, снискавшего широкую славу экологической угрозой, созданной им Ясной Поляне.

Примеры эти можно множить и множить. Они не случайность, они закономерность, неизбежное следствие долгие годы царившего ведомственного подхода к проблемам, непонимания того, что ключ к движению вперёд, к качественному перелому можно обрести только в органическом смыкании экономики с социальной и духовной сферами.

Отсюда и это пренебрежение общественным мнением, уверенность в собственной непогрешимости, отсюда и профанация объективной экспертизы любого проекта и начинания, откровенное или завуалированное давление на имеющих иные суждения. Отсюда и постановка ведомственных интересов над интересами государственными.

Во сколько всё это обойдётся народу в Переславле-Залесском, нетрудно подсчитать: в тринадцать уже загубленных миллионов и ещё в несколько, которые понадобятся, чтобы возместить причинённый ущерб. Это не считая потерь моральных.

Когда четыре года назад мы стояли со вторым секретарём Переславль-Залесского горкома партии В. Шестернёвым, совсем недавно ставшим председателем горисполкома, на кромке строившейся плотины, и он, видя мой скептический настрой, вероятно, вполне искренне спрашивал, неужели я думаю, что кто-то хочет нанести вред, я ответил, что так не думаю. Я и теперь так не думаю, я уверен, что строили, чтобы получить пользу. Пользу себе — за счёт всех остальных.

Тогда строительство гидроузла только начиналось, под водокачку ещё только бетонировали основание, ещё было время остановиться и не загонять проблему в тупик. Обо всём этом было рассказано на страницах «Советской культуры» в статье «Вокруг Плещеева озера» 28 января 1984 года. Затем редакцией был проведён с выездом на место «круглый стол», за которым специалисты разных профилей пришли к выводу о том, что в основу проекта заложены неверные исходные данные, что он научно несостоятелен. Выяснилось к тому же, что упорно отрицаемая Минхимпромом и «Союзводоканалпроектом» реальная альтернатива их варианту всё же существует: сравнительно недалеко от Переславля имеются достаточные запасы подземных вод, требуется только подать заявку геологам на их разведку.

Обстоятельный отчёт об этом заседании был опубликован 12 июля 1984 года («На волне Плещеева озера»). Казалось бы, всё ясно: стройку необходимо прекратить. Не тут-то было. Торопились освоить побольше средств, поставить перед свершившимся фактом — а там пусть себе говорят что угодно, дело-то сделано...

Среди многих других труднообъяснимых по меркам обычной человеческой логики обстоятельств, сопутствовавших истории с озером, остаётся позиция местных органов власти. Ну, с химиками всё понятно: им нужно было выпускать продукцию, остальное их не интересовало, а вот как здешнее руководство допустило нынешнее положение вещей, а точнее, почему способствовало всемерно его возникновению?

Примечательна в этом смысле судьба злополучной водокачки, или, говоря техническим языком, станции второго подъёма и водоочистки. В соответствии с генпланом города, разработанным в 1972 году институтом «Ленгипрогор», строительство станции намечалось к северу от промышленного района — за пределами санитарно-защитной и охранной зон. Однако в 1976 году облисполком без участия проектировщиков и несмотря на возражения Госстроя республики выбрал для её строительства участок в четыре гектара на берегу озера в зоне охраняемого ландшафта, где она вопреки всем протестам и красуется ныне.

У станции, дабы её облик больше соответствовал расположенному по соседству выдающемуся памятнику архитектуры XVI века — Никитскому монастырю, верхний ряд бетонных плит узорно выложили красным кирпичом. Так что теперь между горой Александра Невского и шедевром древнерусского зодчества расположился за высоким забором с вышками по углам немислимый караван-сарай с рогатой крышей — чудовищней архитектурный мутант на заповедном берегу. Через эту станцию думают теперь прогонять воду из нового месторождения, находящегося как раз со стороны первоначально отведённого ей места, что удлинит водовод на восемь километров.

Хотя, как уверяет сегодня Т. Колпаков, областное руководство было против размещения химзавода на берегах озера (зачем же тогда выделили участок именно там?), уникальный природно-исторический комплекс на самом деле был с самого начала отдан на откуп химикам. Территорию вокруг озера объявили природным заказником, а охрану его возложили на... химзавод, озабоченный лишь тем, как бы поскорее приспособить озеро и его берега под свои технические нужды. Председателем городской комиссии по охране природы стал Н. Ушомирский, директор опытного завода «Госниихимфотопроекта» (бывшей фабрики кинофотоплёнки), подчинённого тому же главку, что и «Славич». Контроль воды в озере осуществляли те же химики. Удивительно ли, что все эти годы, когда озеро зарастало и в нём гибла рыба, Н. Ушомирский не стеснялся уверять, будто экологическая обстановка «улучшается»?

Данные Института биологии внутренних вод свидетельствуют, однако, об обратном, и в 1985 году Совет Министров РСФСР принял постановление об экстренных мерах, направленных на спасение озера. Среди первоочередных были ограничение потребления воды для промышленных нужд, очистка русла Трубежа и Ветлянки, упорядочение содержания удобрений и химических веществ, создание в городе ливневой канализации, усиление контроля за качеством воды в озере.

Как идёт выполнение этих распоряжений? Вместе с главным специалистом отдела охраны природы Госстроя РСФСР А. Масленниковой и главным архитектором Переславля-Залесского В. Поповым мы знакомимся с территорией завода, протянувшейся на сотни метров по берегу Трубежа у древних валов. Признаюсь, более возмутительной картины, чем та, что открылась нашим взорам в хозяйстве ревнителя чистоты Н. Ушомирского, я не видел нигде и никогда.

Берег главной водной артерии города представляет собой здесь нечто среднее между свалкой и складом вторсырья: кучами навалены открытые фляги с каким-то желтоватым застывшим составом, ржавеющие механизмы, гниют под открытым небом горы теплоизоляционных материалов — и всё это при отсутствии очистки ливневых стоков. А ведь на берегу Трубежа работают и другие предприятия, в том числе крупное автохозяйство, где отношения с природой также далеки от идиллических. Нетрудно представить себе, как «улучшает» состав озёрной воды каждый дождь, смывающий массу химически активных веществ, мазута и просто мусора. А какую опасность представляет это для биологических фильтров городской канализации, куда попадают неочищенные стоки! Согласно предписанию Совмина, все эти вопросы давно должны были быть решены, между тем проектируемая ныне городская сеть ливневой канализации почему-то не включает в себя именно территории промышленных предприятий, как раз и представляющие для озера наибольшую опасность.

Не дальше продвинулось дело и с выполнением не менее важного пункта постановления — с очисткой рек. Минводхоз до сих пор не может найти организацию, которая бы решилась потревожить десятилетиями скапливающиеся на дне Трубежа отложения — при существующих методах очистки они неминуемо хлынут в озеро.

В будущем году истекает срок, отпущенный на решение вопроса с хранением удобрений и ядохимикатов. Здесь кое-что сделано: обвалованы склад минеральных удобрений агропрома и склад аммиака на берегу Ветлянки, строятся отстойники для животноводческих ферм, площадки для компостирования — зам. пред. облисполкома Т. Колпаков действительно держит этот вопрос под своим контролем.

Гораздо хуже обстоят дела с контролем воды. Так получилось, что в мой последний приезд в Переславль в кабинете только что избранного мэра сошлись представители нескольких организаций из разных городов, которым поручен этот контроль. Два старших научных

сотрудника службы «Госкомгидромета» приехали на один день для взятия проб, другие обзаводятся в городе постоянным представительством, обживаются всерьёз. Так, в феврале вручило свои верительные грамоты посольство управления эксплуатации Рыбинского и Шекснинского водохранилищ Минводхоза РСФСР в составе трёх штатных единиц, предоставлено помещение для сотрудников Института биологии внутренних вод — главного научного куратора озера.

Однако такое обилие и разнообразие научных сил не приводит почему-то к главному — созданию здесь постоянной лимнологической станции, необходимость которой признал в своём заключении от 23 апреля и сам директор института Буторин. Пока он шлёт расплывчатые обещания и уклончивые ответы в Ярославль и в президиум Академии наук, руководство «Славича» действует с куда большей ясностью: 4 апреля главный инженер Н. Шилов информировал письмом директора института о том, что с апреля 1987 года контроль воды в озере по предложенной институтом программе прекращается и соответственно данные по результатам анализов направляться не будут. Заметим, что всё это происходит в ответственной для озера период — накануне прямого забора воды из него.

Так на сегодняшний день выглядит реализация важнейшей программы, возложенной на Академию наук СССР, «Госкомгидромет» и Минводхоз. В результате, исследование экосистемы озера фактически не ведётся. А как без этого прогнозировать ту или иную хозяйственную деятельность или защитные мероприятия?

Теперь о сокращении водопотребления и ограничении роста «Славича». Министр химической промышленности принял решение о переносе некоторых проектируемых производств в Казань, однако уже в четвёртом квартале этого года в Переславле вводится в действие очередной, требующий большого количества воды сорок пятый цех — к его пуску и торопятся начать водозабор из озера. Кроме того, согласно ранее утверждённой программе развития предприятия, предполагается создание в 1990—1993 годах новых водоёмких мощностей.

Как видим, нелёгкий клубок связанных с озером проблем достался в наследство новому руководству области и города. Будем надеяться, что В. Шестернёв, человек деятельный и решительный, сумеет создать наконец в горисполкоме работоспособный штаб по координации действий разных ведомств, занятых их решением. Обстановка ведь в самом деле доведена до крайности. С водой положение критическое, озеро деградирует, старой части города цивилизация не коснулась, архитектурные памятники в катастрофическом состоянии — обрушилась центральная глава собора Никитского монастыря, на большинстве зданий нет даже табличек об их охранном статусе. Ценнейшие монастырские комплексы в запустении, разрушаются — и это на «Золотом кольце» России с его миллионами туристов. Стоящий на холмах завод своими цехами и трубами вкупе с кварталами серых пятиэтажек перечеркнул силуэт одного из красивейших наших городов.

Так в реальности выглядят миражи, открывавшиеся, очевидно, тем, кто предоставлял меценатам от химии «режим наибольшего благоприятствования» в Переславле-Залесском, которому самой судьбой и природой указано было стать центром туризма, досуга, музейного дела.

Спишем ли мы всё это, как водится, даже не пожурив стоящих за этим людей? Стыдливо сочтём неудачным проектом или позволим себе наконец смелость, как того требует от нас сегодняшняя общественная атмосфера, назвать содеянное своим именем — преступлением и соответственно спросить с виновных? Потому что как иначе застраховаться от подобных историй? И разве не должна гласность вскрывать корни и побудительные причины негативных явлений?

Теперь я и хочу ответить на вопрос, заданный мне четыре года назад на кромке строящейся плотины: кому на пользу, а кому во вред строился здесь волевым решением завод. Во вред — народу, стране, природе, во благо — руководителям химической индустрии и самого завода: вместо наказания получили повышение, директоров предприятия назначили в Москву. Туда же, в столицу, в кресла республиканских министров недавно пересели и оба руководителя области, привыкшие за долгие годы пребывания у власти все вопросы от выбора трассы дорог до установки танка у монастырских ворот решать исключительно самолично, не обременяя подчинённых или общественность необходимостью иметь и выска-

зывать собственное мнение. Остальные — остальные предпочитали закрывать на всё глаза, не переча начальству.

Не тут ли следует искать первопричину? Не в личном ли интересе, тщательно упрятанном в демагогию заботы об общественном благе? Не в том ли, что Ленин определял как подчинение интересов дела интересам карьеры и против чего сегодня направлено острие перестройки, — в бюрократизме?

Вполне закономерно, что от него теперь страдает и сам химзавод: дамба, плотины и водокачка, оставшиеся на берегах озера мрачными памятниками эпохи начальственного своеволия и общественной безгласности, повисли теперь многомиллионными гирями на балансе «Славича», не только не прибавляя ему ни славы, ни доходов, а, наоборот, отрицательно влияя на фондоотдачу.

Избавить от них землю будет, однако, не так просто. Что теперь делать с дамбой, например, никто не знает. Предложенная её консервация потребует новых миллионов на бетонирование; предоставленное само себе — песчаное сооружение на зыбком грунте размоют паводки. Чтобы хоть как-то оправдать затраченные средства, «Славич» пытается сейчас всеми силами отписать плотины и дамбу городу — под ненужные тому дороги, которые поведут из ниоткуда в никуда, в то время как Переславль буквально задыхается от транзитного транспорта, и ему в прямом смысле, как воздух, необходима объездная трасса, на которую до сих пор не хватало сил. Заметим, что выброшенных на проект денег достало бы на самый длинный из трёх обсуждаемых ныне вариантов такой дороги.

Плоды бездумных начинаний не кончаются, к сожалению, с отменой последних, и поэтому «Славичу» — ввиду полной безысходности — на срок, необходимый для строительства водовода, вынуждены всё же разрешить брать воду, как он того и хотел, прямо из озера — три процента его полного объёма в год. Так что скоро заработает и водокачка, чеканный профиль которой успел обогатиться в самое последнее время ещё и железной трубой вытяжки. В общей смете стоимость станции не так уж велика — миллион рублей. Глубоко убеждён, что, списав гораздо большую сумму, в которую обошёлся проект, мы обязаны пожертвовать и этим миллионом, перенести станцию к северу от завода, что, кстати, значительно удешевит и ускорит строительство водовода. На том же настаивает и заместитель министра культуры РСФСР А. Шкурко.

С созданием природно-исторического национального парка, идея которого высказана была в самой первой публикации, дело оказалось не таким простым: в стране нет ведомства нужной структуры, чтобы взять над ним опеку. Сфера деятельности парка подпадёт, не говоря уже о туризме, под прерогативу трёх республиканских министерств: культуры, лесного и водного хозяйств, и ни одно из них не готово принять на себя заботы в целом.

Не сомневаюсь, что выход в конечном счёте найдётся. Пусть с опозданием, славному городу нужно выходить на свою дорогу, учиться и самому решать свои проблемы, не полагаясь более на посулы золотой рыбки, — у него есть для этого всё необходимое.

А чтобы вновь не остаться у разбитого корыта, чтобы заповедные водокачки не возникли в другом месте, в истории с Плещеевым озером сегодня необходимо поставить все точки над *i*. Гласность не имеет права останавливаться на полпути, и свою оценку происшедшему обязаны дать прежде всего органы прокуратуры, государственного и партийного контроля. Ради всех тех, для кого история Отечества, наша культура, просто красота — не пустые звуки, не набор трибунных фраз, а необходимая, неотмершая часть души, ради идущей перестройки, а главное, во имя дня грядущего важно окончательно развеять миражи над Плещеевым озером.